

(1)

Валерий Ковалев

КОМДИВ

18+

Валерий Ковалев
Комдив. Повесть

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Ковалев В. Н.

Комдив. Повесть / В. Н. Ковалев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Книга рассказывает о комдиве Александре Антоновиче Ковалеве - одном из создателей пограничной охраны Союза ССР, прошедшем боевой путь от рядового бойца до начальника погранвойск и войск по охране тыла. Организаторе и участнике многих специальных операций в Белоруссии, на Кавказе и Средней Азии. Его загадочной и трагической судьбе. Основана на документальных материалах.

Валерий Ковалев

Комдив. Повесть

«Белый аист летит,
Над белёсым Полесьем летит,
Белорусский мотив
В песне вереска, в песне раки.
Всё земля приняла
И заботу, и ласку, и пламя,
Полыхал над зёмлей
Небосвод, как багровое знамя».
(«Песняры»)

Предисловие

Погожим осенним утром 2008-го, у бокового входа Академии пограничных войск ФСБ России, рядом с Белорусским вокзалом, под сенью старых лип, тихо беседуя, стояли несколько десятков мужчин. Все старше средних лет, в костюмах при галстуках и с фрачными значками «Шит и меч» на лацканах, а трое с фотокамерами.

– Заходим, ребята! – отворил изнутри светлого дуба дверь приземистый крепыш, группа понемногу стала втягиваться.

Внутри было просторное помещение с окошком слева, за которым сидел прапорщик в зеленой фуражке. Он брал в руки паспорта с удостоверениями и, сделав отметку в журнале, возвращал.

Когда все собрались, молча стоявший у противоположной двери моложавый полковник сказал, – прошу следовать за мной, коллеги.

Гости прошли длинным коридором, с жужжащими на потолке плафонами, свернули за угол и вошли в открытые двери актового зала. Там, в глубине над сценой, висел портрет Дзержинского, поднимаясь кверху, желтели ряды театральных кресел, четыре хрустальных люстры заливали все ярким светом.

Усевшаяся в центре зала группа была выпускниками факультета военной контрразведки Высшей школы КГБ СССР, отмечавшая тридцатилетний юбилей, решившая навестить родные стены. Отсюда уходили на фронт Николай Кузнецов с Дмитрием Медведевым, читали лекции Конон Молодой и Рудольф Абель.

Теперь здесь обучали начальствующий состав погранвойск ФСБ России.

Для начала, ребята посмотрим фильм, – встав, обернулся к остальным, один. Свет люстр понемногу стал меркнуть, на сцену опустился пластиковый экран, а полумрак прорезал луч кинопроектора. В тишине возникла музыка из «Семнадцати мгновений весны» и на экране появились сидевшие в зале, но только молодые.

Одетые в курсантскую форму (сухопутную и морскую), они занимались в учебных классах, стреляли по мишеням в подземном тире и отрабатывали в спортзале приемы боевого самбо, обучались захвату диверсантов на полигоне ОМСДОН* и многому другому. Было в фильме и про досуг – посещение музеев с театрами и концертных залов, встречи с интересными людьми, работа в студенческих строительных отрядах на Камчатке и Памире.

Сидевшие в зале, отслужив ни один десяток лет внутри страны и побывав в служебных командировках в Анголе, Афганистане, Югославии и Чечне, сентиментальностью не страдали, но когда фильм закончился, а в люстры вернулся свет, глаза у многих повлажнели.

– А теперь, товарищи, с учетом ваших пожеланий, – встал сидевший крайним в ряду полковник, – я покажу вам нашу Академию.

Все поднялись со своих мест и направились за ним в учебный корпус. Он остался, как и раньше, в два крыла, с теми же аудиториями, классами и чекистским кабинетом, где на стендах с множеством экспонатов отображалась все история органов ВЧК-КГБ. Пройдя пустынными коридорами (было воскресенье) и, слушая пояснения, группа спустилась по широкой, с перилами лестнице, на первый этаж фойе главного входа.

Оно было высоким, просторным и отделано светлым мрамором. Справа, на специальном помосте, в стеклянном футляре алело бархатное знамя, рядом с которым застыл курсант-пограничник с автоматом, слева, на стене, висели два ряда серых гранитных плит с именами выпускников школы – Героев Советского Союза, а также закончивших ее с золотой медалью.

Рядом с входом, лицом в центр, стоял поясной, из бронзы, монумент. «Начальник погранвойск НКВД СССР, комдив А.А. Ковалев. 1899-1942г.г.» значилось на пьедестале. В молчании оглядев фойе, знамя и монумент, группа подошла к плитам, воскрешая в памяти знакомые имена, а один так и остался у скульптуры, беззвучно шевеля губами.

– Твой однофамилец, Валера, – подошел к стоявшему однокашник с фотоаппаратом

– Да нет, Виталий, это мой двоюродный дед. Вот где встретились.

– А почему когда учились, о нем не рассказывал?

– Тогда предполагал. Сейчас знаю точно.

Глава 1. Польский фронт

«Чтоб спасти изнуренную, истерзанную страну от новых военных испытаний, мы пошли на величайшую жертву и объявили немцам о нашей согласии подписать их условия мира. Наши парламентарии 20 февраля вечером выехали из Режицы в Двинск, и до сих пор нет ответа. Немецкое правительство, очевидно, медлит с ответом. Оно явно не хочет мира. Выполняя поручение капиталистов всех стран, германский милитаризм хочет задушить русских и украинских рабочих и крестьян, вернуть земли помещикам, фабрики и заводы - банкирам, власть – монархии. Германские генералы хотят установить свой «порядок» в Петрограде и Киеве. Социалистическая республика Советов находится в величайшей опасности. До того момента, как поднимется и победит пролетариат Германии, священным долгом рабочих и крестьян России является беззаветная защита республики Советов против полчищ буржуазно-империалистской Германии».

(Из Декрета Совета народных комиссаров РСФСР от 21 февраля 1918 года «Социалистическое Отечество в опасности!»)

– р-р-а!! – вопили бегущие по заснеженному полю цепи в обмотках на ногах, длиннополых замызганных шинелях и с примкнутыми к винтовкам трехгранными штыками. Тут и там, в воздухе рвалась шрапнель, навстречу длинными очередями били «максимы», падали убитые с ранеными.

Впереди одной, призывно махая зажатым в руке наганом на длинном ремешке, месил сапогами снег молодой ротный. Командовал он ею третий месяц, до этого был помощником.

Над головами в очередной раз лопнул снаряд, бежавший впереди, стал валиться набок, ротный, выхватил у него винтовку. Сунув револьвер за обшлаг, поудобнее перехватил, в последнем усилии, вскочил на бруствер.

– Бей пшеков!* – сиганул вниз, и отбив удар, всадил штык в грудь жовнежу* в конфедератке. Вырвав, разможил прикладом голову второму, замечая краем глаза, как его бойцы с ревом прыгают в траншею. Завязалась рукопашная, кровавая и беспощадная. Слышался русский мат, хряск саперных лопаток и одиночные выстрелы. Кто-то тонко завизжал, – матка боска!*

Траншеи были захвачены по всей линии обороны, вслед бежавшим к городу полякам, зачастили выстрелы.

– Оставить! – приказал своим ротный, выщелкнув затвором в грязь дымную гильзу, когда последний растворился в белом мареве.

Красноармейцы прекратили стрельбу, утирая лица рукавами и шапками (у кого остались), привалились спинами к брустверу, другие, опустившись на корточки, задымили махоркой.

– Да, Петро, много они наших положили, глубоко затянулся – один, устроившийся на убитом офицере с серебряным галуном на вороте шинели.

– Мы их не мене, – лаконично ответил второй, окинув взглядом траншею. – А сапоги у него важные, – покосился на хорунжего. Надо снять, – пошевелил вылезшим из драного ботинка пальцем.

Ротный, между тем, занялся делом: вызвал двух взводных (третьего убило) доложивших о потерях; приказал развернуть в сторону города захваченный пулемет, выбросить за бруствер трупы поляков и отрядить пятерых для поиска раненых с последующей доставкой в лазарет.

– Ты, Рубан, остаешься за меня, – ткнул в грудь пальцем старшему, в кудлатой папахе, – я к начальству.

Фамилия ротного Ковалев, имя – Александр, от роду он был двадцати годов, сын белорусского крестьянина. Родился в уездном городке Чериков Могилевской губернии, куда семья в поисках лучшей жизни, переселилась из деревни. Отец трудился грузчиком и кочегаром на винокуренном заводе, мать занималась по хозяйству, у Александра имелись братья – Левка и Михась, а еще две сестрички.

Левка вернулся с империалистической, Михась был пятью годами младше, двойняшки еще пигалицы.

Несмотря на бедность и нужду, родители дали сынам начальное образование, а самый башковитый – Сашка, закончив реальное училище, поступил в учительскую семинарию. Ее не закончил «за неимением средств» и до семнадцатого года служил делопроизводителем в уездном отделе наробраза*.

Дружил с девушкой, по имени Алеся, худенькой и с золотыми волосами, знали друг друга с детства. Постепенно дружба перешла в любовь, как часто бывает.

С приходом же Октябрьской революции стал членом РКП(б)*, заведующим отделом уездного исполкома, а с началом Гражданской войны добровольно вступил в Красную Армию, закончив краткосрочные командирские курсы в Могилеве. И вот теперь, в составе 8-й дивизии РККА, воевал с белополяками на Западном фронте.

Был Александр рослым, как отец, помимо живого ума обладал недюжинной силой, а в придачу жестким характером. Все эти качествагодились – бойцы ротного уважали, командование с ним считалось.

Выбравшись по другую сторону бруствера, и придерживая полевую сумку на боку, он, пригнувшись, побежал вдоль траншеи к центру захваченной обороны, где полагал найти начальство. Не ошибся.

Рядом с двумя трехдюймовками* на пригорке (одна разбита) стоял глядя в бинокль на темневший вдаль город, командир пехотного полка вместе с комиссаром и группой начсостава.

Подбежав, Ковалев доложил о потерях и стал вместе с другими ждать приказа. Тот поступил через несколько минут – приготовиться к отражению атаки.

– Есть! – козырнули ротные и поспешили каждый к своему участку.

Когда Александр снова прыгнул в траншею, трупов в ней не было, пулемет с заправленной в патронник лентой развернули в сторону города, красноармейцы, присева на корточки, грызли сухари.

– Быть готовыми к контратаке! – обошел ее командир роты. Второй номер «Максима»брякнул рядом еще одну патронную коробку, бойцы выложили на срез траншеи винтовки и вновь стали меланхолично жевать.

– Антоныч, иди, погляди, – возник рядом Рубан, – тут имеется блиндаж. Завернули за изгиб, в глинистой стенке темнела дверь, взводный потянул за ременную петлю на месте ручки, согнувшись, вошли внутрь.

Укрытие светлело еще свежими досками с потеками живицы и бревнами наката, на длинном столе в центре горела керосинка, красноармеец, дуя в топку, разжигал в углу железную печку,

– Недавно соорудили, – оглядел ротный просторный, с нарами вдоль стен блиндаж и, сняв буденовку с суконной звездой, растегнул крючки шинели.

В начале зимы, желая отторгнуть Белоруссию, панская Польша развязала против молодой Советской республики войну, и, перейдя границу, захватила Вильно, на который теперь наступала дивизия.

– Давай перекусим командир, – уселся на лавку у стола взводный и обернулся к красноармейцу, – чего там у тебя есть, Федька?

Рыжий, лет сорока Федька, закрыл дверцу весело загудевшей печки, сняв с плеч тощий сидор* раздернул лямку и выложил на стол три обкрошенных сухаря, столько же вареных картох и крупную соль в бумажке. Быстро все сжевав, Ковалев с Рубаном вышли наружу.

Вскоре в траншее остался лишь пулеметный расчет, да два наблюдателя на флангах. Остатки роты грелись в блиндаже у печки. Трупы на поле заметала начавшаяся поземка, на землю опустились ранние сумерки.

Контратака началась на рассвете, как только посветлел край неба. Из туманной мути выплывала конница, за ней двигались пешие цепи. Над траншеями прошелестел первый снаряд, выбросив позади столб огня и земли с дымом, эскадроны, развернувшись в лаву, с гиканьем понеслись вперед, пехота ускорила движение.

Приготовиться! – вырвал ротный из кобуры наган, в окопе заклацали затворы.

Когда до траншей оставалась верста, навстречу ухнули орудия, заработали пулеметы, а за ними ударили залпы из винтовок. Несущаяся вперед конная масса редела, раздавались конское ржание и крики, в сотне метрах от траншеи остатки, развернувшись по сторонам, наддали обратно.

За ними в свинцовое небо унеслась и лопнула ракета, по всей длине обороны, красноармейцы молча пошли в атаку. Сначала медленно, а потом быстрее. На ветру затрепетал красный флаг, кто-то запел «Интернационал», подхваченный другими от края до края.

Вставай проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущённый
И в смертный бой вести готов!

пел вместе со всеми ротный, затем вспышка, вздыбилась земля и все стихло...

– Где я? – с трудом открыл набрякшие глаза. В сумерках белел высокий потолок с хрустальной люстрой, в голове били колокола, тошнило.

– В госпитале милый, – наклонилась сестра в белом халате и косынке с крестом, – вот выпей (присосался к медной кружке с чем-то кислым, забулькал горлом).

– А теперь спи, – поправило одеяло.

Когда очнулся снова, в стрельчатые окна бил дневной свет, рядом на стульях сидели комиссар с Рубаном. Комиссар был из бывших политкаторжан, по фамилии Френкель.

– Ну как, Ковалев, живой? – блеснул стеклами пенсне.

– Вроде того, – пощупал Александр голову (та была на месте).

– А я от ребят гостинец доставил, – выложил на золоченый столик с гнутыми ножками два свертка Рубан. – Тут вареные яйца и сало, очень при контузии помогают.

– Откуда?

– Прикупили в городе на базаре.

– Так мы его взяли?

– Взяли, – поправил Френкель на плече маузер – Поляки бегут по всему фронту. Ты давай, поправляйся (похлопал по плечу) и встал, – пошли взводный.

Когда оба удалились, – Александр, приподнявшись на локте, оглядел палату. На самом деле это был небольшой зал, с гобеленами на стенах, вычурным камином и блестящим паркетом. Кроме его, здесь стояла еще дюжина коек с ранеными.

– Вам нехорошо? – подошла из дальнего конца дежурная медсестра, не та, что была раньше.

– Да нет, все нормально. – Какая-то палата непонятная.

– Это графская усадьба. Хозяева сбежали, теперь в ней госпиталь.

– Понятно.

Спустя неделю ротный выписался, хотя врачи возражали, и вернулся в полк. Он стоял на окраине Вильно, там дивизия, готовясь к новым боям, пополняла запасы.

Для начала Александр зашел в штаб, где доложил о прибытии комбату, тот критически оглядел подчиненного, – м-да, пообносился ты, брат. И приказал писарю выдать ордер на новое обмундирование.

– Мы тут захватили склады, – распушил усы. – Придели личный состав. Так что, шуруй туда, пока все не выдали. А потом можешь поглядеть город. Для полноты, так сказать, ощущений.

Зайдя в роту, Ковалев действительно увидел многих из своих бойцов в новых шинелях с ботинками и спросил у взводного Осмачко, разбитного, с курчавым чубом парня, где находятся склады.

– Это совсем рядом, товарищ ротный. – Давай провожу, у меня там старший каптер земляк. Подберет, что надо.

Склады оказались в десяти минутах ходу от брошенных казарм, где разместился полк, в охраняемых часовыми бетонных пакагаузах. Предъявив ордер, зашли за колючую проволоку на столбах, направились к крайнему. Внутри, в запахах лежалого сукна и кожи, за прилавком, сзади которого высились тюки с ящиками, пожилой каптер выдавал двум красноармейцам в обносках, обмундирование.

– Так, с вами все, – наколол ордер на блестящую спицу рядом.

– Здорово Сазоныч, – облокотился Осмачко на прилавок. – Вот, привел своего командира. Одень по высшему разряду. Ковалев вынул из кармана и молча протянул бумажку.

Тот, шевеля губами, прочел и поднял глаза, – статья у тебя парень гренадерская. Щас чего-нибудь найдем (скрылся в полумраке стеллажей). Покопавшись там, вскоре вернулся, поочередно выложив на прилавок новенькую офицерскую бекешу, австрийские френч, галифе и хромовые сапоги.

– Откуда это все? – удивился Ковалев

– Я сынок, когда-то начинал тут службу, в дивизии его высокопревосходительства генерала Флейшера. С началом германской, дивизию отвели на границу с Восточной Пруссией, а

город заняли австрийцы с немцами, ну а когда ушли и они, хозяевами стали поляки. Так что на этих складах, амуниция считай трех армий.

Когда ротный переделся во все новое, Осмачко поцокал языком, – ну прямо ахвицер. Так и хочется шлепнуть.

– Я тебе шлепну, – затащив портупею с наганом, одел на голову ротный суконный шлем, – спасибо, отец (кивнул Сазонычу) и оба вышли за территорию складов.

– Ну, ты дуй в роту, – приказал Осмачке Ковалев, а я немного погляжу город. Интересно, что брали.

Бывшая столица Великого княжества Литовского впечатляла. До этого Александр, кроме уездного Черикова бывал только в Могилеве. Европейского стиля дома, мощные булыжником улицы, роскошные дворцы и многочисленные костелы с кирхами, смотрелись помпезно и величаво. Встречались немногочисленные прохожие, настороженные и угрюмые.

Одна из улиц выходила к городскому рынку, откуда доносился неясный шум, комроты направился туда. Широкое пространство было запружено народом, слышался польский, литовский и еврейский говор. На лотках и рогожах, расстеленных на брусчатке, продавалось всевозможные товары. Здесь имелись мануфактура, скобяные изделия, одежда с обувью, всевозможные продукты и даже граммофоны с пластинками. Рассчитывались за них польскими злотыми с немецкими марками, русскими «керенками», а то и посредством обмена.

Рассекая толпу, прошагал красноармейский патруль с винтовками на плечах и примкнутыми штыками. У Александра в бумажнике имелось жалование за три месяца, подошел к табачной лавке.

– Цо пан прагне? – спросил еврей с пейсами

– Две пачки вот этих папирос, – ткнул пальцем в приглянувшуюся коробку.

– Проше, – вручил торгаш покупку

Ковалев расплатился купюрой с двуглавым орлом, чиркнув спичкой закурил и, сказав «дженькуе», пошел дальше. К часу дня он вернулся в роту, где бойцы, орудуя ложками, наворачивали из котелков пшенку с лярдом*, запивая чаем, – присоединился.

После обеда всех собрали в холодном большом зале, где комиссар выступил с лекцией о текущем моменте. Для начала он рассказал об обстановке на фронтах: высадившие в Заполярье англичане наступали на Мурманск, в Сибири красные вели тяжелые бои с Колчаком, на юге, Добровольческая армия Деникина штурмовала Царицын, молодая республика Советов, была в огненном кольце.

– А теперь о белополяках, – обвел взглядом красноармейцев. – К нам имеется множество обращений от еврейского и белорусского населения Виленского уезда, о притеснении их поляками, грабежах, насилиях и убийствах.

Более того! (повысил голос), есть сведения о создании режимом Пилсудского* концентрационных лагерей для захваченных в плен бойцов Красной армии. Где их морят голодом, избивают и расстреливают без суда и следствия. Присутствующие возмущенно загудели, а кто-то громко крикнул, – к ногтю белых гадов!

– Тише товарищи! – поднял руку в перчатке Френкель. – Мы должны еще больше сплотиться и дать достойный отпор всей этой своре! Но проявляя политическую бдительность и дисциплину»

На этом политинформация закончилась, роты вернулись в казармы...

– Огонь! – кричал ротный, передергивая затвор и выбирая цель. Потом плавно нажимал курок, в наступающей цепи кто-нибудь падал.

Стоя по колено в талой воде, бойцы из окопов вели огонь по наступающим «жовнежам»*, впереди на кочках, переваливался броневик. Ротный пулемет умолк, первый номер, матерясь, возился с заклинившим затвором.

Части Красной Армии отступали перед превосходящими силами противника, получившими семидесятитысячное подкрепление, во главе с генералом Юзефом Халлером* переброшенное из Франции.

Полевая брустеры свинцом, бронемашинка скатилась в мелкую, с песчаным дном речку перед обороной красных, двигатель взревел, зачихал синими выхлопами и заглох. Через минуту в «Уайт»* впечатался снаряд, завалив набок.

В набегавшую пехоту из окопов полетели гранаты, ожил ротный пулемет, ее остатки, пригибаясь, побежали назад. Все стихло.

Рядом захлюпала вода, – командир, еще одну атаку не выдержим, – прохрипел над ухом Рубан. – У хлопцев по одной – две обойме.

– Хреново, – отложив винтовку, вытер со лба пот ротный. – Посылай в тыл подносчиков. – Слухаюсь (захлюпало снова).

Кругом наступила тишина, в просветлевшем небе запел жаворонок, умирать не хотелось. Бойцы задымили махоркой, кто-то тоскливо ругнулся, остальные молчали.

– А у нас на Кубани сады цветут, – мечтательно сказал молодой боец, заряжая обойму.

– Не трави душу, – буркнул второй, постарше, наблюдая за полем впереди, – щас опять пойдут, наведут нам решку.

Спустя час вернулись подносчики с двумя зелеными ящиками, один вручил ротному бумажку. Тот, развернув, прочел, «сниматься с позиции, отходить на вторую линию обороны» и подпись батальонного.

Чуть позже, оставив окопы, и закопав на опушке убитых, рота понуро шла по разбитой лесной дороге, в сторону востока.

После были бои под Борисовом и Полоцком, в которых полегли Осмачко с многими бойцами. Ковалева, пули с шашками уланов, пока миловали. А вот под Бобруйском он едва не погиб. Командование поручило в тылу поляков подорвать железнодорожный мост, по которому к фронту подвозилась живая сила и боеприпасы.

Ротный, взяв с собой отделение бойцов, ящик тола и бикфордов шнур, скрытно пробрался к объекту, заминировал его и поднял на воздух. Группу засекли, началось преследование. Отстреливались до последнего патрона, а затем, орудуя штыками, пошли на прорыв. И все бы полегли, кабы не красноармейский эскадрон, случайно оказавшийся в том месте. За это операцию командир дивизии объявил Ковалеву и оставшимся в живых бойцам благодарность.

Между тем, наступление польских войск в Белоруссии продолжалось, в июле они заняли Молодечно и Слуцк. Командующий советским Западным фронтом был снят с должности, на его место назначили нового. Однако существенных подкреплений красные части не получили, все резервы командование направляло на южное направление где Добровольческая армия Деникина наступала на Москву.

В начале августа, после шестичасового боя, «пилсудчики» захватили Минск, а в конце, несмотря на упорное сопротивление Красной Армии, ими был взят Бобруйск.

Спустя два месяца советские войска предприняли контратаку на город, однако та закончилась поражением. После этого боевые действия затихли – стороны заключили перемирие.

Глава 2. Курсы красных командиров

«Параграф 1. Открыть ускоренные курсы по подготовке командного состава рабоче-крестьянской красной армии в следующих местах: Петроград, Ораниенбаум, Москва, Тверь и Казань».

(Из приказа Народного Комиссариата по военным делам от 14 февраля 1918 года)

Теперь линия Западного фронта проходила по Западной Двине и Березине, где командование РККА стало накапливать резервы для нового наступления.

Одним таким днем Ковалева вызвали в штаб полка вместе с командиром пулеметной команды Роговым. До революции он служил на Балтике, на эсминце «Новик», откуда в составе десанта, ушел в Красную армию. Был крепок, коренаст, летом и зимой носил черный бушлат, а на голове, с муаровой лентой бескозырку.

– Зачем это нас, а Саш? – поинтересовался, шагая рядом с Ковалевым.

– Меньше знаешь, лучше спишь, – пробурчал тот.

– И то правда.

Штаб размещался в небольшом флигеле затрапезного городка, у входа прогуливался часовой, у коновязи под седлом, стояли три лошади.

– К кому? – поправил на плече винтовку.

– Вызвал начштаба.

Поднялись на крыльцо, вошли, доложились адъютанту.

– Обождите, – показал тот на лавку у стены и скрылся за дверью.

Через минуту вернулся, – проходите.

За широким канцелярским столом, на котором лежала развернутая карта, по телефону ругался худой, с седым ежиком человек, в коверкотовой гимнастерке.

– А я тебе сказал проверить и доложить! – в сердцах брякнул на футляр трубку.

– Садитесь, товарищи, – кивнул на стулья. – Значит так (обвел набрякшими глазами) Из Реввоенсовета, за подписью товарища Троцкого, в штаб армии поступила телеграмма – откомандировать в Москву на военные курсы двух достойных командиров. Выбор пал на вас.

– Это почему? – переглянулись оба.

– Нужны молодые и энергичные.

– А если..? – открыл было рот Ковалев

– Никаких если! (повысил начштаба голос). Получите в канцелярии мандат и аллюр три креста*. Больше не задерживаю. Козырнув, оба молча вышли.

В соседнем кабинете, где стучал «Ремингтон»*, лысый писарь достал из сейфы уже подготовленную бумагу, с подписью и печатью.

– Завтра в шесть утра в Невель идет обоз с ранеными, можете с ними подъехать, – протянул ротному.

– И на хрена мне эти курсы, – недовольно сказал Рогов, когда спустившись с крыльца, возвращались обратно.

– Я одни уже кончал, – в унисон ответил Ковалев. – Вроде пока хватало.

Среди бойцов ходили слухи, о готовящемся наступлении на поляков, оба хотели принять в нем участие и посчитаться.

На следующее утро, простившись с бойцами, откомандированные выехали с обозом. Он состоял из пяти упряжек с ранеными, которых сопровождали женщина – фельдшер и два пожилых красноармейца с карабинами.

Краскомам* нашлось место на задней телеге, усевшись, спустили вниз ноги. С ними были вещмешки с небогатыми харчами и личное оружие: у Ковалева наган в потертой кобуре, Рогов имел через плечо маузер в колодке.

Утро было холодным и туманным, вдали поднималось солнце.

Когда выехали за местечко и проселок кончился, по сторонам потянулись перелески, а затем густой еловый бор. Кони мерно переступали копытами по дороге, раненые молча лежали под шинелями, изредка слышалось, – но, пошла! где-то дробно стучал дятел. Чуть покачиваясь, оба задремали.

Очнувшись от гулкового выстрела, криков и конского ржания впереди, там вертелись несколько всадников, всплескивали сабли.

Не сговариваясь, прыгнули, выхватив оружие, рванули туда.

Один из конных, в конфедератке, рубил красноармейца (тот умело подставлял ствол), напарник валялся на песке, еще трое уланов делали то же с ранеными.

Справа дважды грохнул маузер – буланая под одним свалилась, ротный срезал второго из нагана. Оставшиеся гикая, понеслись назад, Ковалев, рванув карабин из рук убитого бойца, выбил из седла последнего.

– Польский разъезд, – тяжело дыша, подошел Рогов. – Просочились твари, – вщелкнул маузер в колодку.

Александр, передав карабин одному из раненых, вытащил из-под телеги бледную, дрожащую фельдшерицу, – все хорошо сестричка. Девушка быстро пришла в себя и, расстегнув сумку, перевязала стонущему бойцу сабельную рану на предплечье. Еще двоим помощь не понадобилась.

Спустя час обоз вновь тронулся в дорогу, позади, у высокой разлапистой сосны, осталась свежая могила, за последней телегой шла в поводу, лошадь убитого улана.

На закате дня обоз прогремывал по деревянному мосту через сонную реку, где матрос с ротным сообщили охранявшим его красноармейцам про польский разъезд. Решили остановиться на ночь в деревне на пригорке, состоявшей из двух десятков хат, крытых соломой.

– Подъехали к крайней, с журавлем колодца во дворе, огороженной жердями. Ковалев, прыгнув с телеги, громко позвал, – хозяин!

Дверь хаты со скрипом отворилась, вышел пожилой мужик в солдатском ватнике и на протезе, проковылял к воротам.

– Разреши остановиться на ночь с ранеными, отец.

– Отчего же, заезжайте, – кивнул тот. – Только хата у меня маловата, размещайтесь в стодоле*. Там у меня и немного сена имеется, чтобы подстелить.

Телеги въехали во двор, остановились у низкого бревенчатого строения, раненые, помогая друг другу, стали выгружаться.

– Небогато у тебя, дядя, – обозрел Рогов запущенную усадьбу. – Где ногу потерял?

– Отшибло на германской, такая вот незадача, – тяжело вздохнул мужик.

– А вон там кто живет? – показал на соседнюю, под гонтом, хату с крытым двором.

– Мироед, – неприязненно блеснул глазами хозяин. – Отсиделся в тылу гад.

– Ну-ну, – поправил Рогов бескозырку и вразвалку пошагал к воротам.

Когда всех раненых уложили на расстеленное сено (хозяин принес лошадиную попону с драным тулупом) матрос появился в дверном проеме.

– Щас будет ужин, – подмигнул фельдшерице, поившей одного водой из кружки.

Спустя короткое время появился мордастый дядька с полной цибаркой* молока и чем-то завернутым в холстину, а за ним такая же баба, несущая парящий чугунок бульбы*.

– Все нормально, командир, – перехватил взгляд ротного матрос. – По доброму, так сказать, согласию.

– Ясно, – ответил тот, – снаряжая барабан нагана.

– Ну, так мы пойдем? – насутился дядька, поставив ведро на давку и опустив рядом сверток.

– Идите, – тряхнул чубом матрос.

Накормив раненых, задули каганец и, отдав девушке тулуп, устроились рядом. Сквозь щелястую крышу в фиолетовом небе мигали звезды, где-то на другом конце деревни лаяла собака.

– Слышь, Ковалев, ты кем был на гражданке? – закинув руки за голову, – спросил Рогов.

– Готовился стать учителем.

– А я в Юзовке рубал уголь в шахте. Короче, темнота. Ты после войны кем хочешь стать? (повернулся набок).

– Буду учить детишек грамоте.

– А вот я снова подамся на флот. Уважаю дисциплину и всяческую механику.

– Ладно, давай спать – сказал ротный и закрыл глаза. Снилось ему Полесье и летящие в сини аисты.

На другой день, встав пораньше, напоили коней, а вышедшему проводить хозяину пода-рили трофейного коня, – владей, папаша.

– Ну, спасибо, хлопцы, – расчувствовался тот. – А то я как раз безлошадный.

– Да чего там, – махнул рукой Ковалев, выехали со двора, тронулись дальше. В полдень, изрядно натрясшись, въехали в Невель.

Это был небольшой город рядом с белесым озером, каменными и бревенчатыми домами, церковью, а также небольшим вокзалом. У высокого, в два этажа здания в центре, где находился госпиталь, командиры простились с ранеными, пожелав скорейшего выздоровления.

Вскинув на плечи вещмешки, направились через площадь на вокзал, откуда с путевыми обходчиками на дрезине прикатили в Великие Луки. Через город шли поезда в Москву и обратно. Здание вокзала было забито до отказа, прошли по перрону к штабелю шпал впереди, сев на лежавшую сбоку, перекусили. В сторону Пскова без остановки прошел воинский состав, в открытых дверях теплушек виднелись морды лошадей и стояли кавалеристы.

– Не иначе перебрасывают к нам, – проводил Рогов его глазами.

– Похоже, – согласился Ковалев.

Подошли три красноармейца с винтовками и красными повязками на рукавах.

– Куда следуете товарищи? поинтересовался старший.

– В Москву, – достал Ковалев мандат и протянул. Тот развернул, пробежав глазами вернул, – понятно.

– Послушайте братва, – поглядел матрос снизу вверх, – поезд на Москву скоро будет?

– Через час, а то и два, – прогудел один из патрульных, здоровенный и в драной папахе. – У вас ребята, того, закурить не будет?

Ковалев отсыпал ему горсть махры, все трое свернув сигарки, закурили, а потом старший сказал, – вы к вагонам не бегите, пустой номер, там как селенок в банке. Попробуйте на тендер к машинисту. Глядишь и пустит.

Патруль, скрипя гравием, пошагал дальше, а они, прислонившись спинами к нагретым солнцем шпалам, задремали.

Состав втянулся на вокзал только вечером. Оттуда сразу же высыпала толпа, запрудив перрон от края и до края. В ней слушались крики, мат и плач детей, все хотели ехать.

Ковалев с Роговым тут же рванули к паровозу, тяжело сопевшему паром впереди.

– Машинист! – заорал ротный, подняв голову у кабины.

– Чего тебе? – выглянул из окошка усатый дед в путевой фуражке.

– Возьми на паровоз, отец! Позарез надо!

– Не положено.

– Возьми! – подпрыгнул балтиец. – Я на флоте кочегаром был, помогу кидать уголь в топку!

– Кочегаром? – оценивающе оглядел его старик хмурыми глазами. – Ну, тогда лезьте.

Ухватившись за поручни, быстро вскарабкались по стальной лесенке.

Внутри, кроме машиниста был помощник, тощий, лет семнадцати парнишка в замаслен-ной спецовке.

На перроне звякнул колокол, толпа, колыхаясь, закричала громче, машинист перевел блестящий рычаг, паровоз пробуксовал колесами, тяжело тронулся.

Подойдя к ведущему в тендер проему, Рогов присвистнул, – так что, ездите на дровах?

– Ага, – кивнул вихрастой головой помощник.

– Дела-а, – протянул матрос, обернувшись к Ковалеву. – Ну как Саша, дадим революци-онного жару?

– Непременно, – стащил тот с плеч бекешу, а приятель бушлат, работа закипела.

Ковалев перебрасывал напарнику с тендера, аршинные березовые и сосновые поленья, помощник рукояткой отворял топку, а Рогов ловко их туда метал.

– Могешь, – обернулся машинист от манометра с дрожащей стрелкой.

– Ну, дак (ловко швырнул очередное) утер пот. Затем хлебнул воды из подвешного чайника и заорал Александру, – шевелись пехота!

Паровоз, освещая прожектором, убежавшие вдаль нити рельс, мчался сквозь ночь, изредка разрывая ее гудками.

Серым промозглым утром состав вкатился на перрон Виндавского* вокзала.

– Ну, спасибо тебе отец, – пожал машинисту заскорузлую ладонь ротный, а матрос хлопнул по плечу помощника, – бывай хлопец.

Оба спустились вниз, переждали редевшую толпу с мешками, чемоданами и корзинами, вошли в обшарпанное помещение вокзала. Там нашли военного коменданта, предъявив мандат, и тот объяснил, как проехать в нужный адрес.

Поскольку трамваи не ходили, а это было далековато, наняли одного из извозчиков на площади рядом. Сговорившись о цене, влезли в пролетку и Ребров, сказал, – полный вперед, дядя.

– Но, залетная! – пустил тот рысью коня, бодро зацокавшего подковами по брусчатке.

В Москве ездоки никогда не были и с интересом ее разглядывали. По сторонам проплывали многоэтажные дома, площади и скверы, по которым ветер гонял пожухлую листву

– А это кто? – ткнул Рогов пальцем в сторону высокого, из позеленевшей бронзы памятника на постаменте.

– Великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин, – отозвался Ковалев - Неужто не знаешь?

– Не, – помотал головой приятель. – Откуда?

– Учиться тебе надо.

– А мы куда едем? – обиделся матрос и рявкнул на извозчика, – чего плетешься как вошь на поводке? Давай живее!..

– И раз и раз! И раз-два-три, левой! – разносилось в замкнутом казармами пространстве, рота печатала шаг по плацу.

– Запе-вай! – последовала очередная команда, и звонко ответил тенор

Слушай, рабочий,
Война началась,
Бросай своё дело,
В поход собирайся!

Смело мы в бой пойдём.
За власть Советов
И как один умрём,
В борьбе за это!

откликнулись полторы сотни молодых глоток.

Курсантская рота занималась строевой подготовкой. Военспец в офицерской шинели без погон, перетянутой ремнями и фуражке с красной звездой, шел рядом.

Уже два месяца Ковалев с Роговым, в числе других, проходили подготовку на курсах красных командиров. Александра, с учетом прошлой должности, назначили одним из взводных, а Федора к нему отделенным.

Учеба была насыщенной. Изучали Полевой устав РККА, организацию управление войсками, действия подразделений в наступлении и обороне. Кроме того – стрелковое и автоматическое оружие с его практическим применением, топографию, а также средства связи. Серьезно внимание уделялось политграмоте, будущих командирам знакомили с основами марксизма, а по выходным отпускали на несколько часов в увольнения.

Контингент подобрался соответствующий: одни из курсантов воевали на фронтах Империалистической рядовыми и унтер-офицерами, другие участвовали в Гражданской или работали в совпартактиве*. Две трети – члены РКП(б).

Как и по всей России, фабрики и заводы в столице не работали, москвичи получали по сто пятьдесят граммов ржаного хлеба в день. Но при всем этом молодая республика изыскивала возможности выдавать курсантам вдвое больше, приварок и табак, а еще все получили новое обмундирование: краснорубашечные буденовки, длинные серые шинели с «разговорами»* и яловые сапоги.

Иногда курсантов поднимали по тревоге, и они оказывали содействие рабоче-крестьянской милиции в ликвидации всякого рода уголовных элементов, наводнивших столицу и ее окраины.

Однажды вместе с сотрудниками московского угро*, отделение курсантов во главе с Ковалевым выехали в Марьину рощу, брать банду некоего Сабана. Она считалась одной из самых дерзких в столице, занимаясь вооруженными налетами и грабежами, убивая при этом всех своих жертв и свидетелей. А еще, для куража, постовых милиционеров.

– Так что при задержании с ними особо не миндальничать, – сказал во время инструктажа начальник МУРа, широкоплечий человек в кожанке и фуражке, по фамилии Трепалов. – Кто окажет сопротивление, пулю в лоб.

– Это мы можем, – откликнулся из строя Рогов.

На место выехали грузовиком «Руссо – Балт», когда на город опустились сумерки. Дул холодный ветер, накрапывал дождь, в небе клубились тучи. Марьино роща находилась к северу от Садового кольца и представляла скопище одно – и двухэтажных домов, с пустырями и темными переулками.

Остановились рядом с одним, бесшумно выгрузились, крадучись, пошли за старшим.

Минут через десять подошли к одному из домов (одноэтажному и с мансардой), в двух окнах которого теплился свет.

– Значит так, – приблизил к Ковалеву лицо начальник, – я со своими ребятами внутрь, а вы окружаете двор и берете всех, кто попытается удрать. Не получится живыми, можно мертвыми.

– Понял, – кивнул Александр и, обернувшись, тихо отдал команду курсантам. Когда те рассредоточились вокруг усадьбы, Трепалов махнул наганом своим, и розыскники скользнули в калитку. Миновав садовую дорожку, поднялись на крыльцо, начальник громко постучал в дверь, – милиция, открывайте! Свет в окнах тут же погас, сыскари, выбив плечами дверь, ворвались внутрь, завязалась перестрелка.

Потом одно из задних окон, распахнулось, в палисадник выпрыгнули двое и, перемахнув невысокий забор, очутились в переулке.

– Стоять! – выступили из темноты Ковалев с Роговым, держа винтовки наизготовку. В ответ грянули выстрелы, Рогов свалил ответным первого, а второго Ковалев саданул прикладом в голову.

Чуть позже, обыскав дом и загрузив в кузов трупы пятерых бандитов и убитого оперативника, группа ехала обратно по ночной Москве.

– А ничего у тебя ребята, боевые, – сказал Трепалов, сидевшему рядом в кабине Ковалеву.

– Многие воюют еще с четырнадцатого – ответил Александр. Было время научиться.

Глава 3. На Юденича

«В минуту смертельной опасности, когда окруженная со всех сторон тесным кольцом врагов Советская власть отражала удары неприятеля; в минуту, когда враги Рабоче-Крестьянской Революция в июле 1919 года подступали к Красному Питеру и уже овладели Красной Горкой, в этот тяжелый для Советской России час, назначенный Президиумом ВЦИК на пост члена Реввоенсовета Южного фронта, Иосиф Виссарионович Джугашвили /Сталин/ своей энергией и неутомимой работой сумел сплотить дрогнувшие ряды Красной Армии. Будучи сам в районе боевой линии, он под сильным огнем, личный примером воодушевлял ряды сражающихся за Советскую Республику. В ознаменование его заслуг по обороне Петрограда, а также самоотверженной дальнейшей работе на Южном фронте, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет постановил наградить И.В.Джугашвили (Сталина) орденом "Красного Знамени».

(Из Постановления Президиума ВЦИК от 17-го ноября 1919 года).

Окончить учебу не пришлось. За месяц до окончания роту построили на плацу, и начальник вместе с комиссаром объявили, – курсы в полном составе отправляются на защиту Петрограда, где белая армия генерала Юденича при поддержке эстонских дивизий и кораблей флота Великобритании, перешла в активное наступление.

Вечером курсанты с их командирами, погрузившись в отправлявшийся туда воинский состав, выехали к месту назначения. При себе имели личное оружие, а еще полученные на складах ручные гранаты и три пулемета «льюис».

Ехали всю ночь в продуваемых ветрами разболтанных теплушках. Одни, завернувшись в шинели, спали на соломе на полу, другие молча смалили махорку.

Хмурым промозглым утром выгрузились на Николаевском вокзале, строем двинулись на Царскосельский. Кругом мрачно высились дома бывшей столицы Империи, холодно темнела водой Нева, в лица хлестал налетавший от залива ветер.

В отличии от Москвы, достаточно многолюдной, город словно вымер: изредка встречались закутанные в тряпье жители, на пересечении улиц горели дымные костры, у которых грелись заставы*, порой попадались мерно шагающие патрули.

До конечной цели – в район Гатчины, добирались узкоколейкой, на прицепленных к американскому «Балдуину»* платформах, куда, помимо курсантов, погрузили артиллерийскую батарею и отряд питерских рабочих.

– Ка-ак, товарищ, у вас в Пит-тере дела? – поинтересовался курсант из латышей Янсонс, у сидящего рядом пожилого, с впалыми щеками человека в телогрейке и с австрийским карабином.

– Дела, как сажа бела. Голод, перебои с электричеством, нет угля и дров.

– А ваш отряд, папаша, откуда? – спросил еще один.

– Мы, сынок, с Путиловского завода.

– Работает?

– Делаем бронепоезда и орудия для фронта.

– Вона оно как, – уважительно переглянулись остальные.

Когда отъехали от Петрограда верст пять, вдали послышалась орудийная канонада.

– По Пулковским высотам бьет, – сказал кто-то из рабочих. На платформах напряженно вслушивались и молчали.

Обстановка для частей Красной Армии оборонявших город, к тому времени была катастрофичной: белогвардейцы захватили переправы через Лугу и прорвав фронт, вышли к Балтийской железной дороге, а затем под прикрытием танкового огня овладели Ямбургом. Крас-

ные в панике отступали, преследующие их колонны, в день проходили до тридцати верст, захватив Лугу, Плюссу и Серебрянку. За ними в наступление перешли эстонские дивизии, войдя в Красное Село, а также Струги с Гатчиной.

К месту добрались спустя пару часов, послышались команды, стали выгружаться. К узкоколейке выходила опушка леса, рядом стояла какая-то хибара, а у нее две телеги с шанцевым инструментом. У нее переминались несколько солдат. Здесь же, у коновязи, под седлами, стояла пара буланых лошадей.

Из хибары появились человек в шинели, с шашкой, маузером и папахе с красной лентой, за ним еще двое. Начальник курсов, командиры рабочего отряда и батареи доложились.

– Построиться! – отдал тот приказ

– В шеренгу по четыре ста-ановись! – разбежались к бойцам. – Р-равняйся! Смирно!

Заложив руки за спину, встретивший с остальными прошли вдоль строя, взглядываясь в лица и вернулись к середине.

– Я командир сводного полка Варава! Там! – (выбросил руку на гул канонады) сражаются и умирают ваши братья, отражая белогвардейские атаки! На нашем участке пока спокойно, но нет сплошной линии обороны. В кратчайший срок мы должны ее построить и держать до последнего дыхания! Все ясно?

– Ясно! – качнувшись рывкнул строй.

Вслед за комполка выступил человек в кожане и такой же фуражке, назвавшийся комиссаром.

– Товарищи! Над рабоче-крестьянской республикой нависла небывалая угроза! (обвел глазами строй). Юденич при поддержке англичан рвется к Петрограду! В случае взятия, ему открыт путь на Москву и соединение с Деникиным!

В виду особой сложности положения, обороной города руководит народный комиссар военных дел товарищ Троцкий, по приказу которого расстреляны командир 2-го Петроградского полка Гнеушев вместе с комиссаром Пантелеевым, а также каждый десятый красноармеец, бежавшие с поля боя!

Прошу это учесть и стоять до конца! – резко взмахнул рукой. Вдоль строя прошел шепоток и стих. Такое слышали впервые.

– А теперь всем разобрать инструмент и на позицию! – выступил вперед третий, оказавшийся начальником штаба.

Снова последовали команды, строй распался, телеги вскоре опустели.

Поросшие жухлой травой «позиции» на одной из высот, куда привели, оказались разрозненными, наспех вырытыми окопами, где сидели три десятка матросов со станковым пулеметом.

– Гляди, братва какие красавцы! – заорал при виде курсантов один, в синей робе под бушлатом и рабочих ботинках – Откуда вас пригнали?

– С курсов красных командиров братишка, – встал на бровке Рогов, широко расставив ноги.

– Да ты никак из наших? – удивленно присвистнул второй.

– Четыре года огребал полундру* на эсминцах. Припухаете?

– Тут припухнешь (буркнул набивавший патронную ленту), всю ночь землю кайлили. У вас пожрать ничего нету? С утра маковой росинки во рту не было.

Угостив моряков ржаными сухарями, стали возводить оборону. На правом фланге, окапывались рабочие, в неглубокой ложбине позади, отцепив от упряжек, артиллеристы разворачивали два орудия. Это были выдавшие виды трехдюймовки с несколькими ящиками снарядов.

– Шевелись братцы! – командовал здоровенный дядя с биноклем на груди, перетянутый ремнями.

Работа шла весь остаток дня и ночь – канонада стихла. К утру свежеврытая траншея с бруствером и пулеметными «гнездами», а в ней на один накат землянки (подвезли несколько телег бревен и жердей) была закончена. Батарея врыта в землю.

Из тыла, курясь дымком, прикатила полевая кухня, запряженная парой лошадей, с двумя красноармейцами на облучке.

– Получай довольствие! – заорал старший, спрыгнув вниз, рядом образовалась очередь.

Орудя черпаком, повар плескал в подставленные котелки жидкую, из сечки* кашу, бурча «следующий», а помощник доставал из рогожного мешка и совал каждому по ломтю черняшки*.

Устроившись, кто-где и достав ложки, быстро похлебали (добавки не было), задымили сигарками.

– Молчат гады, – кивнул Рогов в сторону, откуда ожидалось белые, – не нравится мне все это.

– Эт-то да, – откликнулся Янсонс, перематывая портянки, – когда стреляют, спокойнее.

– От шашки? – спросил Ковалев у сидящего напротив старшего из матросов с багровым шрамом через лоб и маузером на коленях, по фамилии Воронин.

– Ага, – чуть помолчал тот. – Полоснул казак на Дону, когда бились с Корниловым. Нас тогда было раз в пять больше (взглянул на своих). Это все, что остались. Прошли, как говорят, Крым, рым и медные трубы.

– А что там комиссар распинался про расстрелы? – затянулся дымом Рогов. – Не заливают?

– Нет, – сказал Воронин. – Так все и было. – Сначала перед строем поставили тех, кого назвал, а потом отчитали каждого десятого бойца, вывели, зачитали приказ и шлепнули.

– Это называется децимация, – сказал курсант Жариков, раньше учившийся в университете. Применялась еще в Древней Греции и Риме. Некий консул Луций Апроний, как-то казнил по жребию целую когорту из состава легиона, отступившего из боя.

– Негоже так, – сказал один из рабочих. – Без суда и следствия.

– А ты Троцкого видал? – снова спросил у матроса Рогов. – Какой он из себя? Видный?

– Я бы не сказал. Невысокого росточка, чернявый и по виду еврейского сословия.

– Эх, щас бы соснуть минут шестьсот, – широко зевнул молодой рабочий.

Но не пришлось. Откуда-то, далеко впереди, глухо ударила артиллерия, в воздухе послышался свист, на поле перед окопами вспухли дымные разрывы, противно завоняло толом.

– По местам! – вскочили командиры, бойцы задробили к траншее, батарейцы к своим пушкам. Попрыгав вниз, красноармейцы разбежались по сторонам, рыжий бруствер ошетинился винтовками.

За первой серией принеслась вторая, грохнув позади, кто-то хрипло закричал, – берут вилку братва! Прячься!

Очередная попала в кухню (вверх полетели кровавые ошметки с колесами), несколько снарядов разворотили бруствер, двоих убило. Начавшаяся по всей линии обороны канонада вскоре умолкла, наступило минутное затишье, потом вдали что-то за клубилось, всплескивая искрами, показалась конница. Сначала она шла плотной массой, а затем развернулась в лаву.

– ...а-а-а! – накатывался многоголосый крик.

– Ударила артиллерия красных – поле впереди вспучили разрывы, по траншее прокатилась команда, – приготовиться к отражению атаки! Без команды не стрелять! Заклацали винтовочные затворы, расчеты приникли к пулеметам.

Когда до окопов оставалась метров восемьсот, последовала вторая, «огонь!», навстречу ударили залпы, длинно застрочили пулеметы.

Накатывавшая и вопящая масса, с шашками вытянутыми вперед, стала редеть, (всадники вылетали из седел, или рушились вместе с конями), атака захлебнулась.

Остатки, развернувшись, в панике понеслись назад. Вслед захлебывались пулеметы, вразнобой били винтовки.

– Ну, што, Саша? Дали мы им, мама не горюй! – блестя глазами, покосился Рогов на Ковалева, давшего очередной выстрел по убежавшим.

– Дали, – выщелкнув затвором гильзу, отложил тот винтовку в сторону, достал трубку, набив, пустил носом дым. В траншее, тут и там, тоже возник запах махорки, бойцы отходили от боя. Позади тащили носилки, уводили в тыл раненых.

На поле, тут и там, лежали убитые, дымились воронки, припадая на ногу, бродил оседланый жеребец без всадника.

– Жалко, что разбили кухню, – сказал кто-то из курсантов. – Щас бы в самый раз пожрать.

Затишье длилось примерно час (ездовые подвезли десяток ящиков патронов) расчет «максима» стал набивать ленты, остальные поправляли бруствер – ждали новой атаки, и она началась. Небо к тому времени прояснилось, из-за туч неярко проглянуло солнце, начало теплеть.

А потом со стороны, куда отступила конница, раздался неясный гул, вскоре переросший в рокот. Из легкого тумана возникли две тени, обретшие непонятные очертания.

– Что они еще задумали? – прошелестело по траншее, все напряглись.

Тени между тем материализовались, превратившись в две химерные, похожие на утюги конструкции. Все увеличиваясь в размерах и железно лязгая, они, в синих выхлопах, медленно ползли вперед.

– Это английские танки, – обернулся один курсант. – Видел один такой на Северном фронте под Архангельском. Жуть.

Бронированные чудовища меж тем, разошлись по сторонам (один пошел в стык с соседями) а за ними возникли цепи пехоты.

– Одна, вторая, третья, – прищурившись, считал Сорокин.

– Да, гранатой такого не возьмешь, – перешептывались курсанты, вглядываясь в невиданную технику.

Затем обе машины ударили из бортовых пушек и пулеметов (над головами пронесся свинцовый смерч) из траншеи кто-то выскочил и, бросив винтовку, петляя, как заяц, побежал в тыл.

– Назад! – обернулся начальник курсов, а потом навскидку выстрелил из револьвера – беглец, сломавшись пополам, зарылся лицом в песок.

Позади рывкнули батарейные трехдюймовки (два снаряда вздыбили землю перед танком), а последний попал в нижнюю часть башни. Голиаф, взревев двигателем, развернулся бортом, дернулся и затих.

– Огонь по пехоте! – раздалась команда, вслед за ней ударил дружный залп, зачастил «льюис», к нему присоединился «максим». Набегавшие за танком цепи смешались, отстреливаясь, стали отступать. Мигом позже из люков выскочили несколько, в черной коже, пригнувшись, кинулись вслед.

– А, не нравится! – заорал кто-то из матросов – всех срезала прицельная очередь.

Вторая машина, ползущая на соседей, огрызаясь пулеметами, тоже попятилась назад, за отступавшей пехотой

Когда все растворилось вдаль, и стрельба стихла, в траншее послышались возбужденные голоса, матерки и даже смех – ну мы им и дали, братцы!

– Молодцы, канониры! – высунулся кто-то из окопа.

– Учитесь, пехтура! – басовито откликнулись за орудиями.

По траншее передали – взводных к командиру. Александр, придерживая на боку кобуру, поспешил вдоль траншеи. Переступил бойца, которому второй бинтовал голову, а потом убитого с распоротым осколком животом.

За поворотом, в одной из пулеметных ниш, оборудованных под наблюдательный пункт, уже стояли два комвзвода – Лемешев и Приходько, а начальник курсов в бинокль рассматривал подбитую машину, до которой было саженей* полтора.

– Что по этому поводу мыслите? (обернувшись, опустил).

– Гарно сработали пушкари, – тряхнул мосластым кулаком Приходько.

– Влепили по первое число, – поддержал Лемешев.

– Хорошая огневая точка, – сказал последним Александр.

– Вот это правильно, – кивнул начальник. – Я бы сказал, стратегическая. Так что, Ковалев, бери четырех курсантов и по-пластунски туда. При новой атаке нас поддержите.

– Есть, – козырнул взводный, поспешив обратно.

– Значит так, – вернувшись, обратился к своим. – Приказано использовать английский танк, под огневую точку. Я старший, нужны еще пять.

– Я пойду, – сказал Рогов.

– Мы тоже, – добавили Янсонс с Жариковым и матрос из отряда Сорокина, пояснив, что в прошлом комендор*.

Оставив за себя Савицкого (из бывших юнкеров), Ковалев с группой, захватив винтовки, перевалили бруствер. Прячась в воронках, за трупами лошадей и убитыми белогвардейцами, через полчаса подползли к химерной громаде танка.

Даже сейчас, неподвижно застыв, он вызывал оторопь. На зеленой, в пулевых отметинах броне рядами шли плоские заклепки, холодно блестели траки широких гусениц, по бортам торчали две куцых пушки, вверху пулеметы.

– Вон та-мм вход, – просипел Янсон, подобрался к открытой броневой двери сбоку, через порожек поочередно влезли внутрь.

– Ну, прям как на корабле, – почмокал губами Рогов.

– Ага – подтвердил комендор, остальные завертели головами. Сверху лился электрический свет, в центре, под кожухом, тускло блестел двигатель, в поворотных башнях виднелись замки орудий, впереди, уронив разбитую голову на штурвал, застыл на сидении офицер в кожанке с золотыми погонами.

– Знакомая система, – прильнув к прицелу пушки, завертел поворотный механизм комендор, назвавшийся Костей.

– И снарядов навалом, – ткнул грязным пальцем Жариков в похожие на соты кокоры*, остальные проверили четыре пулемета «Гочкис» с заправленными в них кассетами.

– Жаль, огонь можно вести только с одного борта, – пощелкал затвором Ковалев.

Рогов в это время прошел узким проходом к офицеру, вытащив того с сидения и обернулся к Жарикову, – Серега, выкинь отсюда его благородие. Тот, уцепив за плечи, проволоком офицера к двери, и, вытолкнув наружу, задраил изнутри клинкет.

– Хлопцы, тут и жратва есть! – радостно заорал отделенный, вытащив откуда-то ящик консервов и упаковку галет. – Там еще коробка сахара и цибики с чаем.

Получив по банке, вскрыли ножами (внутри оказалась свинина в желе) подкрепились, хрустя поджаристыми хлебцами, затем похрустели рафинадом, запивая водой из фляги.

– Да, так можно воевать, – сытно икнув, прислонился к холодной броне Янсонс.

Оставшись у одного из пулеметов наблюдать, взводный приказал всем отдыхать. От еды бойцы осоловели, глаза слипались, на землю опускались сумерки, моросил мелкий дождь. Спустился час, его сменил Рогов.

– Видать атаки сегодня не будет, – широко зевнув, задымил сигаркой. – Так что Саша, припухай пока. Завернувшись в шинель и опустив клапана буденовки, Ковалев провалился в сон.

Разбудил всех железный стук в дверь и глухой голос снаружи, – вы там живые?

– Кто? – взвел курок взводный, остальные тихо передернули затворы.

– Это я, Воробьев, притащил вам шамовки*, – открывайте.

Ковалев молча кивнул, Рогов провернул клинкет, внутрь залез тяжело сопевший мокрый курсант, с вещмешков на спине (задраил).

– Вот, вареная конина, начальник с комиссаром прислали, – сняв, опустил на пол.

Сидевшие в танке переглянулись, взводный раздернул горловину, и сидор набили под завязку консервами и рафинадом с чаем. А когда гонец умял банку, его отправили обратно. Рогова сменил Костя, в машине снова раздался храп.

Под утро ударил морозец, поле заблестело инеем, все до костей промерзли. Фонари на подволоке едва теплились, не иначе сели батареи.

– Начинали бы уже скорей, – бубнил Рогов. – Тут точно дуба дашь.

Словно в ответ на пожелание, со стороны белых в небе прошелестел снаряд, разорвавшись в глубине красной обороны, по всему фронту началась канонада.

– По местам! – встал за пулемет взводный, Рогов за второй, Костя шагнул к орудию, Янсонса с Жариковым определили на подноску снарядов.

Теперь в наступление шли пять цепей, конницы не наблюдалось.

– Огонь по моей команде, – передернул затвор «Гочкиса» Ковалев, Костя вогнал в ствол снаряд, поданный латышом, Жариков встал со вторым рядом.

Когда цепи подошли ближе, первая оказалась офицерской. В табачного цвета шинелях с погонами, сине-красными шеvronами на рукавах, начищенных сапогах и лихо заломленных фуражках.

– Хорошо иду-тт, – оценил Янсонс. – Как на параде.

– Щас мы им устроим парад, – злорадно сказал Костя.

Вскоре стали хорошо видны лица, ветерок донес слова команд, а когда цепи перешли на бег и над полем загрело «ура!», из окопов и траншеи позади, ударили залпы.

– Не пора, командир? – обернулся от борта Рогов.

– Пусть подойдут ближе.

Огонь открыли, почти в упор, прямо в оружие рты – крики перешли в истошный вой. Первую цепь выкосили всю, остальные заметались по полю, ряды редели. Машина наполнилась дымом пороховых газов, то и дело рывкало орудие.

Затем тишина – впереди никого не было. От края и до края валялись трупы, среди которых стонали раненые.

– Вот и все, – утер грязный пот с лица Рогов, а Ковалев, глядя в смотровую щель воспаленными глазами прохрипел, – страшно, когда русские убивают русских

Остальные, привалившись к броне, молчали, зевая от недостатка воздуха.

Наступление в очередной раз провалилось, наступила затишье.

За этот бой всем пятерым, комполка объявил перед строем благодарность, взводного награбил серебряными часами.

Рабочие с Путиловского отряда занялись ремонтом танка (повреждения оказались незначительными), а на борту вместо надписи «Белый солдат», начертали суриком новую – «Красный пролетарий».

Наступило короткое затишье, во время которого дивизию посетил член Реввоенсовета Западного фронта Сталин, возглавлявший оборону Петрограда. Заехал он и в полк, который выстроили для встречи. Миновав, питерских рабочих с матросами, остановился перед красными курсантами, где сопровождавший командир полка, наклонившись, о чем-то коротко доложил.

Затем группа подошла к стоявшему на правом фланге Ковалеву, и Сталин, глядя снизу вверх, спросил, – так это вы организовали в танке огневую точку?

– Я! – вздернул взводный подбородок.

– Как зовут и откуда?

- Александр Ковалев. Из Белоруссии.
- Наградили товарища (обернулся).
- Не успели, – ответил комиссар.

Сталин помолчал, вынул из кармана шинели трубку, протянул курсанту, – держи, Ковалев на память.

Что перед ним сподвижник Ленина и член ЦК партии, Александр знал из политинформаций и газет, но видел впервые. Самым же крупным из начальников, которых встречал, был командир дивизии. Рослый и видный человек с громогласным голосом.

В отличие от него, Сталин был среднего роста, худощавый, с оспинами на лице и густыми усами. Говорил негромко и с акцентом. Особенными были глаза под буденовкой. Карие, чуть прищуренные и внимательные.

Когда начальство уехало и строй распустили, курсанты столпились вокруг, – покажи трубку. Александр раскрыл ладонь.

- Настоящая пенковая* – сказал со знанием дела Савицкий.

Глава 4. Ранение. Снова дома

Вот пуля пролетела и – ага...

Вот пуля пролетела и – ага...

Вот пуля пролетела, и товарищ мой упал...

(Из старой песни)

Через неделю началось контр – наступление Красной армии. Войска Юденича без боя оставили Гатчину, их выбили из Волосово с Лигово, оно успешно развивалось по всему Западному фронту. К середине ноября дивизия, куда входили красные курсанты, громя врага, при поддержке бронепоезда «Черноморец», освободила Ямбург*.

Это был небольшой городок со старинным собором и ратушей, застроенный кирпичными домами, через Лугу дыбился фермами, взорванный мост.

После короткой передышки начались боевые действия на границе с Эстонией, получившие название «Нарвская операция», с жестокими боями в заболоченной, местности, где дороги заменяли наводимые бойцами гати, наступил декабрь.

В одном из таких боев, при атаке на укрепления врага, Александра тяжело ранило. Снарядный осколок разворотил левое бедро, повредив мышцы и сосуды. Истекающего кровью взводного, наскоро перевязав, отправили в тыловой лазарет, где сделали операцию, а затем в один из госпиталей Петрограда, там началась гангрена.

Сделали вторую, не помогло, хотели отнять ногу.

– Только попробуйте, – горячечно заблестел глазами. Первого кто тронет, – убью. Несите обратно в палату.

Посоветовавшись, решили лечить, предупредив о последствиях, и свершилось чудо. Что помогло – неизвестно. То ли крепкий организм с железной волей, а может искусство врачей. Скорее всего, то и другое.

В январе начал вставать с койки, потом с костылем подмышкой ковылять по палате, дальше по коридору. А когда наступил апрель, и в старом госпитальном парке набухли почки, стал, хромая, гулять с палочкой по дорожкам. Часто присаживался на скамейки, исхудалый, в больничном халате, посасывая свою трубку.

Затем состоялась военно-медицинская комиссия, признавшая негодным к дальнейшей службе, оформили документы на увольнение в запас и выписку. Из ворот госпиталя, Александр

вышел в буденовке и бекеше, с тощим вещевым мешком на плечах и револьвером в кобуре, чуть приволакивая ногу.

На полученное денежное довольствие за истекший год, купил на барахолке подарки родне и Алесе, с Детскосельского вокзала* выехал на родину.

Обстановка в Белоруссии к весне 1920-го оставалась напряженной. Польские войска начали военные действия на Полесье, захватив Мозырь, Калинковичи и Речицу. В мае планировали взять Жлобин с Могилевым.

До родных мест Александр добирался неделю, сначала пассажирским, затем товарняком, а последние версты на перекладных. Страна лежала в разрухе, кругом царили голод и нищета, свирепствовал тиф – войне не было конца и края.

Уже на подъезде к городу, когда полулежа на тряской телеге, ехал по лесной дороге, из – за деревьев вышли двое с обрезам. Первый со словами «тпру» ухватил лошадь под уздцы, бородатый напарник передернул затвор, – слезай краснопузый.

В ответ грянули два выстрела. Дед на передке стал мелко креститься, Александр, сунув в кобуру наган, морщась, спрыгнул в траву, забрав у убитых оружие, вернулся.

– Едем дальше отец, трогай.

– А можно, сынок я зняму боты* у того што с бородой, – обернулся старик, – чаго им марно прападаць?

– Снимай, мне не жалко.

Возница быстро слез с телеги, стянул с ног убитого добротные сапоги и, вернувшись, спрятал под солом.

– Гэта ж кольки этих бандитов развелось (дернул вожжами), под городом кажен день грабят.

– Ничего, – ответил Александр, уложив обрезы в мешок и затянув ляжку. – Теперь на двоих меньше.

Чериков, в котором не был почти три года, изменился. Дома обветшали, все три завода не работали, мельницы тоже, на улицах встречались редкие прохожие. В центре, с каменной церковью на мощеной площади, он расплатился с возницей, вскинул на плечо «сидор» и похромал дальше.

Миновав череду домов, вышел к реке, застроенной по берегу хибарами, остановился у одной, неказистой и вросшей в землю. Пустые окна крест-накрест забиты досками, двор порос репейником и осотом.

– Да, дела, – утер буденовкой лицо бывший взводный.

– Кого шукаеш, солдатик! – оглянулся (позади стояла женщина закутанная в платок и с кошелкой).

– Да никак Ляксандр? – открыла рот. – А казали тебя забили.

– Здравствуй тетка, Лукерья, брешут. Где мои?

– Так уже года два, как вернулись к себе в деревню. Работы тут нема, люди с голоду пухнут.

– А там, что, легче?

– Того не знаю.

– Ну, бывай здорова, – одел на голову буденовку и направился назад.

– Вот радости-то Антону, – покачала вслед головой соседка.

Деревня, где раньше жили и куда вернулись родители, звалась Ольховка, находилась в трех верстах от города. Когда вернулся к церкви, дед все еще стоял на площади возясь с упряжью.

– Послушай отец (помог затянуть супонь), довези до Ольховки, моих тут нету.

– Отчего ж не довезти, – сразу согласился тот. – Ты мне почитай жизнь спас. Мазурики* непременно бы забили.

Красноармеец снова влез в телегу, дед, взгромоздившись на седелку, чмокнул «но милая!» повозка загремела колесами. Оставив позади центр, спустились к реке, переехав ее по старому мосту, оттуда поднялись на пригорок, за которым открылось широкое, поросшее сорняками поле, с уходящей вдаль колдобистой дорогой.

Селение, куда въехали к полудню, было в три десятка дворов, за ним светлела речка с песчаным берегом, позади которой темнел бор.

– Давай, вон к той избе, – дернул кадыком Александр, указав на одну, у которой прозрачно зеленели две высоких березы. Изба была старой, но еще крепкой, огорожена жердяной оградой, из трубы на стрехе вился легкий дым.

– Тпру! – подъехав к усадьбе, натянул старик вожжи.

Прибывший неловко выбрался из телеги (та развернулась обратно), остановился у прохода, глубоко вздохнул, и направился во двор. Открыл дверь в избу, из сеней вторую, ниже, вошел внутрь.

У печи постаревшая мать ставила в угол рогач*, за столом у окна, сидя вполоборота, отец чинил хомут. Оба обернулись, потом мать, плача кинулась к нему на грудь, – Саша, сынок!

– Ну, будет, будет, я ж вернулся, – погладив по спине, обнялся с вставшим навстречу отцом.

– Мы уж тебя было похоронили, – стряхнул тот слезу с сивых усов. – А ты вона, как, живой.

– Живой, батька, живой, – рассмеялся сын. – А где братья с сестричками?

– Левка щас должен быть, поехал на хутора прикупить сена, а девки пошли на речку за водой.

В сенях дважды бухнуло, открылась дверь, появились две худенькие босоногие девочки, лет семи с интересом уставившись на незнакомца.

– Ну, здравствуйте! – сгреб их в охапку. – Я ваш брат Саша. Те застенчиво отворачивались (не узнали). Опустив, развязал стоявший на полу мешок, раздернул и вручил всем подарки: отцу яловые сапоги, матери пуховый платок, сестричкам цветные ленты и по жестянке монпасе.

– А как Алеся? – спросил у матери. – Жива, здорова?

– Слава богу, – вздохнула та. – Но ты, сынок к ней не ходи. Вышла замуж.

– Как?! – побледнел сын. – Когда?

– В прошлом годе (нахмурился отец). Прошел слух, что тебя убили, она и вышла за сына Маневича – Пашку. Уже и немовля* народилось.

Александр сел на лавку, опустил коротко стриженую голову. Мать опять вздохнула, а сестрички умолкли.

Потом во двор въехала телега, послышалось «тпру», в сенях заскрипели половицы и в открывшую дверь, пригнувшись, ступил кряжистый Левка.

– Братка! – выпучил глаза, гость встал, крепко обнялись.

– Ну, ты и вымахал, – сказал старший, отстранившись, – меня догоняешь.

– Стараюсь, – рассмеялся Александр, – но это вряд ли.

Чуть позже все сидели за накрытым столом в другой половине, Левка разливал из четверти по стопкам, дымчатый первак*.

– Ну, со встречей, – поднял свою отец. В нее звякнули еще три, выпили, стали закусывать вареной бульбой, квашеной капустой и черствым хлебом, два кирпичика которого привез сын.

– Так, а где ж, Яник? – когда отец налил по второй, спросил Александр.

У того дрогнула рука (мать всхлинула), Левка тяжело уставился в стол, а двойняшки испугано замолчали.

– Забили его с двумя хлопцами тамошние мужики прошлой осенью в Коморовичах – сказал отец. – Ночью залезли в церкву.

– Это же самосуд! – побледнел Александр.

– Тамошний поп сказал, святотатство ну и забили, – вздохнула мать. – Так что, схоронили Яника. Все надолго замолчали, а девчухи потихоньку выбравшись из-за стола, шмыгнули на улицу.

– Ну да бог им судья, – поднял стопку отец, – помянем. Выпили не чокаясь (мать пригубила), братья, насупившись, задымили махоркой.

– Знаешь тех мужиков? – покосился на Левку Александр.

– Четырех забрали милицейские и посадили. А один куда-то пропал – блеснул глазами старший.

Мать принялась убирать со стола, остальные вышли на двор, уселись рядком на призьбе*.

– Отсеялись? – поинтересовался Александр, глядя на гнездо аиста на соседней хате.

– А нечем, – вздохнул отец. – Зимой наехал продотряд, выгреб у всех ржицу подчистую и увез. Такое вот сынка дело.

– Называется продразверстка, мать их так, – заплевал сигарку Левка и пошел выпрягать щипавшую осот лошадь.

– Я смотрю, купили коня?

– Какой купили (махнул рукой отец) оставил тем годом какой-то обоз, раненого. Мы понемногу выходили.

Старший брат меж тем увел буланого в крытый камышом бревенчатый сарай и, прикрыв дверь, вернулся.

– У тебя случайно винтовочных патронов нема? (снова присел рядом). Я с германской принес винторез*, только три осталось.

– Черт, совсем забыл, – встал с призьбы Александр и прохромал в хату. Вскоре вернулся, протянув новенькую офицерскую папаху (тебе), а из кармана галифе достал горсть патронов, – больше нету.

– Теперь живем, – пересыпал в свой Левка. – А то в уезде банды шалят, на дальних хуторах вырезали семью и увели скотину.

С улицы во двор вбежали сестрички с берестяной*, чинно подойдя к сидевшим вручили Александру – причастуйсь, дядя.

Внутри был холодный, чуть сладковатый березовый сок.

– Смачна, – выпив половину утер губы и вернул. А чего вы такие бледненькие? (погладил по головкам).

– Им бы молока, да коровы няма, – снова вздохнул отец. – На всю деревню три застались.

На ночь Левка с братом, прихватив старый тулуп, отправились спать в сарай. В стойле пофыркивал конь (звали Солдат), улеглись на прошлогоднем сене.

– Летом пахнет, – выдернул Александр пук.

– Это да, – закинул за голову руки Левка. – А вот скажи мне, на хрена нам эта советская власть? При царе еще можно было жить, а сейчас? Который год война, голод, тиф. Народу положили тьма, кругом нищета и разруха.

– Разобьем белых, устроим новую жизнь. Без капиталистов и помещиков.

– А продразверстка? Разве можно отбирать у крестьян последнее?

– Последнее нельзя. Но это временно.

– А я через неделю подамся на шахты в Луганск (повернулся к брату). На днях были вербовщики оттуда, дал согласие. Заработаю на корову с лошадьёю и вернусь. Обновим хозяйство.

– Батьки знают?

– Ага. Тем паче ты вернулся.

– Ну, тогда езжай, – сказал средний и уснул. В стрехе прошуршала мышь, всхрапнул конь и все стихло.

Утром он все-таки сходил к Маневичам. Кроме Алеси дома никого не было, встреча была грустной.

– Ты прости меня, Саня, – уставилась фиалковыми глазами. – Так вышло.

– Понимаю (отвел свои). А это тебе на память, – вынув из кармана, протянул золотое колечко с камешком. Та, взяв, заплакала, он развернулся и ушел.

А в памяти возникли плывущие высоко в синем небе аисты, они вместе на луговой копне и слова песни, что пела Алеся, – ты ж мая, ты ж мая перепелка... Тогда они были счастливы и поклялись всю жизнь быть вместе. Не вышло.

Когда вернулся, мать нажарила драников, попили чаю на смородиновом листе, и Левка повез брата в город. Надо было стать на партийный учет в укоме*.

Партийный комитет находился на той же площади, что и церковь, в купеческом из кирпича доме, у входа стоял часовой с винтовкой.

– Ну, ты пока решай свои дела, а я заеду на мельницу, глядишь, раздобуду жмыха, – становил телегу напротив Левка.

– Хорошо, – одернул гимнастерку Александр и направился к часовому. Предъявил алую книжечку, тот кивнув, пропустил внутрь.

Председатель укома, по фамилии Рактин, оказался лет сорока, худощавым человеком, с болезненным лицом и бородкой клинышком. Над столом висел портрет Ленина, сбоку стоял продавленный диван, а в углу сейф и вешалка с фуражкой.

Где воевали, товарищ? – указав на стул, просмотрел Ракитин партийный билет со справкой об увольнении в запас.

– Сначала на Польском, а потом Северо – Западном фронтах.

– Как со здоровьем? Гляжу, вы хромаете.

– Нормально.

– Значит так (вернул документы). Обстановка у нас сложная. Голод, бескормица и тиф, в лесах банды. Коммунистов на уезд всего семнадцать, предлагаю вам работу в укоме.

– Я не особо с ней знаком, – пожал плечами Александр.

– Ничего, не боги горшки обжигают. Стаж у вас с семнадцатого, бывший красный командир, справитесь. Когда приехали и где живете?

– Вчера. У родителей в Ольховке.

– Пару дней отдохните, и жду вас у себя, – протянул председатель сухую руку.

Выйдя из укома (брата еще не было), Александр сел на скамейку рядом с храмом, задумался. Работа была ответственная, отказаться невозможно.

– Ничего, прорвемся, – шевельнул губами. – Бывало и хуже.

Вскоре подъехал довольный Левка на телеге, с мешком подсолнечного жмыха.

– Однополчанин помог, работает там механиком, подкормим Солдата да и самим можно пожевать. А у тебя как дела?

– Предлагают работать в укоме. Через два дня выходить на службу.

– Вот это да, – присвистнул брат. – Станешь большим начальником.

– Ладно, давай заедем на базар, – влез на седелку Александр. – Он в Черикове как, еще имеется?

– Сегодня воскресенье, должен быть. Но служивый! – дернул ременными вожжами. Буланый зацокал копытами.

Базар раскинулся на западной окраине, недалеко от ратуши.

На утоптанном пространстве стояли длинные навесы с прилавками, где торговали подержанными вещами, самоварами, мутным самогоном из-под полы, трбухой и подозрительного вида пирожками.

С нескольких телег селяне продавали прошлогоднюю картошку, соленую, в бочонках, капусту с огурцами, тетки предлагали сушеные грибы и сливы. Из живности имелись десяток

ощипанных синюшных кур, теленок меланхолично жевавший жвачку и понурая кляча, которую расхваливал оборванный, с серьгой в ухе цыган. Среди покупателей с продавцами шныряли беспризорники, крича, – дай хлеба дядя!

В одном месте безногий солдат, играл на гармошке «Прощание славянки» в другом что-то хрипло пела шарманка.

– Да, небогато, – сказал Александр, когда они с братом потолкались по базару.

– А что ищешь? – пощупал тот у хмурого дядьки выделанную овчину.

– Хотел купить сестренкам козу.

– Ну, так бы и сказал, чужак. Айда за мной, видал я тут одного человека.

Прошли в дальний конец базара, где за одним из лотков сидел пожилой еврей в шляпе и с пейсами, торговавший рассыпными папиросами.

– Здорово Абрам, – остановился рядом Левка.

– Наше вам, – солидно кивнул тот. – Чего шукаем?

– Да вот, хотели с братом купить козу, а тут из нету.

– Какие имеете дензнаки? Царские или керенки?

– У меня вот, – достал из кармана Александр серебряные часы на цепочке, снятые с убитого офицера.

– «Мозер», – взял тот в руку и почмокал губами – цимусная* вещь.

– Ну, так что? – спросил Левка.

– Давид! (из толпы выскочил лет семи мальчишка). Беги к маме, – наклонился к нему Абрам, – доставь сюда самую лучшую козу из стада.

– Ага, – утер тот нос, и замелькал пятками.

Вечером Олеся с Машей пили парное молоко.

На следующее утро, встав пораньше, братья запрягли Солдата, прихватили двуручную пилу с топором, мать сунула им узелок с едой и телега загремела по улице. Спустившись к неширокой речке, переехали ее вброд и направились по песчаной дороге в сторону лесного бора.

Он встретил полумраком, утренней прохладой и дробным стуком дятла, где-то в глубине. Проехав с километр, Левка свернул с колеи на старую вырубку, рядом с небольшим озерцом, остановил телегу, оба спрыгнули.

– Берем вон те три, – показал рукой на крайние сосны с рыжими стволами. На зиму в самый раз хватит.

Выпрягши коня, оставили пастись на травянистом берегу, а сами, прихватив инструмент, направились к деревьям. До обеда спилили все три, обрубив сучья, раскряжевали на бревна, после чего искупались в озерце и перекусили.

– А работать, я смотрю, ты не разучился, хоть и командир, – сказал Левка, сворачивая козью ножку.

В красной армии командиры работают вместе с бойцами, не как в царской.

Перекурив, до вечера перевезли бревна в деревню, на следующий день распилили на козлах, перекололи и сложили в поленницу.

Глава 5. В губернской ЧК

«Постановили. Назвать комиссию – Всероссийская Чрезвычайная Комиссия при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем и утвердить ее.

Задачи Комиссии:

1) Преследовать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажные попытки и действия по всей России, со стороны кого бы они не исходили;

2) Предание суду Рев. Трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработать меры борьбы с ними.

3) Комиссия ведет только предварительные расследования, поскольку это нужно для пресечения. Комиссия разделяется на отделы – информационный, организационный отдел (для организации борьбы с контрреволюцией по всей России) и филиальный отдел.

4) Отдел борьбы. Комиссия сконструируется окончательно завтра. Пока действуют ликвидационные комитеты Военно-Революционного Комитета. Комиссии обратить в первую голову внимание на печать, саботажников и стачечников. Меры: конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т.д.»

(Постановление СНК о создании Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК). 7(20) декабря 1917 года)

Наступила осень, по небу курлыкая, потянулись к югу журавли «ты ж мая, ты ж моя перепелка (всплыло в памяти).

Александр шестой месяц работал в укоме. Сначала инструктором, а потом заведующим отделом труда. Жил в городе, получив комнату неподалеку, воскресеньями навещал Ольховку, помогая родителям по хозяйству. Вместе с отцом перекрыл сарай, вывез на поле навоз, помог выкопать картошку.

Левка, как и обещал, отправился в Донбасс работал там на шахте в местечке Кадиевка, иногда присылая немного денег. Перед отъездом они крепко повздорили. Старший брат в очередной раз выразил недовольство властью, завязался спор (оба схватились за грудки), батька едва растянул в стороны.

– Контра ты, – сказал средний. – Я таких ставил к стенке!

– Попробуй, – сжал кулаки старший. На том и разошлись, каждый оставшись при своем мнении.

Целыми днями Александр был в делах, мотаясь верхом на казенной лошади по уезду, организуя коммуны по совместной обработке земли, участвуя в ее размежевании и создавая в волостях* партийные ячейки. Дважды в него стреляли (из леса и дома в окно), банд в уезде по – прежнему хватало.

А по ночам занимался самообразованием: штудировал материалы недавно прошедшего в Москве всероссийского съезда РКПб о хозяйственном строительстве и борьбе с разрухой; вникал в работу Ленина «Великий почин» и даже почитывал «Капитал» Маркса, но мало чего понял.

В октябре Ракитин свалился с чахоткой и был отправлен в больницу, Александра назначили на его место. Там он проработал до зимы, а сразу после Нового года вызвали в губернский комитет партии, председатель которого сообщил, – есть указание товарищ, Ковалев, направить тебя в Гомельскую Губчека. Республика в опасности, возражения не принимаются.

Положение дел к тому времени снова серьезно обострилось.

Бежавшие за границу контрреволюционеры при активной поддержке Франции, Польши и Великобритании развернули широкую антисоветскую деятельность.

В борьбе против рабоче-крестьянского государства и в частности Белоруссии, особо выделялся "Русский политический комитет", переименованный в Народный союз защиты родины и свободы во главе с эсером Савинковым. Совместно с ним действовали Белорусский политический комитет, крестьянская партия "Зеленый дуб" и другие организации белорусских националистов.

Для усиления «союза», в его распоряжение с согласия польских властей перешли интернированные за рубежом 3-я русская армия генерала Перемыкина, дивизия казачьего полковника Гнилорыбова, бригада есаула Яковлева.

Кроме того, под командованием Савинкова и главарей белорусских националистов находились части так называемой Белорусской повстанческой армии генерала Булак-Балаховича. С началом года на территорию республики начали интенсивно забрасываться их эмиссары и вооруженные до зубов банды.

По замыслу своих хозяев они должны были поднять антисоветское восстание, в связи с чем развернули активную подрывную деятельность: убивали партийно-советский актив, нападали на красноармейские отряды, жгли продовольственные склады, школы, больницы и дома, расстреливали сочувствующих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.